

Выбор академика Крафта

Дмитрий Никитин

ФАНТАСТИКА

Ломая со звонким хрустом тонкий лед, ялбот вылез носом на берег. По морозному этому хрусту штурман Минин понял, что навигации в нынешний 1739 год осталось от силы пара недель. Поглубже надвинув треуголку, которую рвал с головы соленый ветер, штурман спрыгнул с борта на припорошенный снегом песок. Вокруг слышались чавкающие удары и шумное многоголосое дыхание. Полсотни матросов и казаков долбили лопатами и ломами подмытый водой обрыв. Зарываясь ботфортами в осыпающийся склон, Минин вскарабкался наверх. Обернулся, глянул с высоты на корабли. Дубель-шлюпка «Тобол» укрылась в бухточке под защитой мыса, но парусный бот «Обь-Почталион» из-за осадки не мог подойти к берегу и стоял мористее, на стылом просторе Северного океана, тяжело раскачиваясь на сизых волнах. Минин подумал, не послать ли ялик, перевести с «Тобола» на «Почталион» запасные якоря. Потом вспомнил, что лодки скоро будут заняты иным делом.

Подштурман Стерлегов и геодезист Ушаков вели картографическую съемку, следя за низким солнцем, дабы ровно в полдень замерить широту астрольабией и квадрантом. Прочий, не занятый на земляной копке, люд по обыкновению устраивал береговой лагерь. Необычным на этот раз было одно — под большим артельным котлом, в котором варилась обеденная уха, горели не дрова, а серый подтаявший ноздреватый лед. Под сильным ветром исходившее изо льда диковинное яркое пламя гудело как в печи.

Рудознатец Медведев перехватил брошенный Мининым взгляд:

— Не соврал обдорский колдун лейтенанту Овцыну! А ведь не верили мы поначалу в такое чудо.

— Ты бы, Захар, объяснил по своей науке, что значит сей феномен?

— Я так полагаю, Федор Алексеич, то замерзший флогистон, сиречь субстанция огненная.

— Огонь замерзший? Ну, пусть так.

— Самоед сказывал, что оный лед и жар, и холод великий творить может, — вступил в разговор гардемарин Паренаго.

— Так на то он и лед, чтобы холод делать, — усмехнулся Минин. — Попробуй-ка, тронь! Однако надобно спешить. Приказываю срочно грузить на «Тобол» сие вещество, сколько в трюме поместится, и сразу же держать курс назад, в Туруханск. Тебе, Дмитрий Васильич, — обратился Минин к Стерлегову, — из журналов корабельных все последние страницы изъять и поместить в секретный пакет. В журналах же написать, что мы дальше Корсаковых островов из-за плавающих льдин пройти не смогли.

— Федор Алексеич, — перебил штурмана рудознатец, — хорошо бы посильней морозов дожидаться. Да и лед тот

диковинный из-под мерзлой земли пока не доставать. Тает он на обычном холоде изрядно. Не довести нам его до Туруханска.

— Ты что, Захар? На море уже шуга, того гляди матерый лед встанет, корабли до весны вмерзнут. Как нам обратно? На собаках? Так их у нас всего две упряжки. Самим бы тогда до теплого жилья добраться, не то что с грузом в двести пудов!

— Можно и на кораблях пойти, — снова встрял Паренаго. — Обычный лед нам ныне не преграда!

— Это ты про флогистон? — переспросил Минин. — Вот лейтенант Овцын тоже небось думал так зазнобу свою, княжну Долгорукову, из березовской ссылки вызволить. Волшебным льдом путь морской себе растопить.

— Дмитрий Леонидович об ином говорил! — возразил сурово Стерлегов. — О том, как, пробиваясь сим огнем через великие льды, кругом Таймыра обойти, а может, и далее, мимо всей Сибирской земли к Восточному океану. До самой Америки вперед командора Беринга могли бы добраться!

— А ныне, вместо Америки, лейтенант Овцын в Тайных и розыскных дел канцелярии! — отрезал Минин. — И коли не хотим мы там же вслед за ним очутиться, будем делать так, как высочайшим указом предписано: весь отысканный огненный лед, не медля ни дня, доставить негласно и секретно в Петербург, академику Крафту! Посему собираемся в обратный путь сейчас же. Мороженный огонь этот обвязать соломой и ветошью разной. Авось не весь по дороге растает, что-нибудь до Туруханска доведем. Грузить только на «Тобол». Коли вдруг загорится, хоть второй корабль уцелеет.

Однако сгореть «Тоболу» было не суждено. Когда на следующий день к дубель-шлюпке подошла от берега последняя лодка с секретным льдом, уставшие от тяжелой работы матросы сплеховали и с размаху ударили ею о корабельный борт. Лодка накренилась и мигом опрокинулась, высыпав за борт весь свой немалый груз. Через минуту вода в бухте закипела ключом. Охваченный кругом белым хлопотаньем «Тобол» вдруг дернулся и стал уходить вниз, проваливаясь в раскрывшуюся под ним пучину. Через низкий планшир на гребные банки хлынули накатом волны. И тут же судно разом ушло под воду, лишь мачты остались наполовину над волнами. И самым страшным было видеть с берега и с «Обь-Почталиона», как лезли на обе эти мачты по вантам успевшие выбраться люди. Лезли и замерзали, превращаясь на глазах в повисшие на канатах ледяные куклы. А следом покрылась льдом и вся вода над легшим на дно «Тоболом».

— Вот так, не было счастья, да несчастье помогло! — закончил рассказ Минин, кутаясь от промозглого холода в

суконную епанчу. — Иначе бы и не довели тот огненный лед. Истаивал он сразу, как откапывали, даже на морозе. А вот как с «Тобола» из-под воды стали поднимать, увидели, что вокруг него корка от обычного льда выросла. Она-то и хранила его, пока сюда не привезли.

— Вовремя привезли! — отозвался собеседник в богатой собольей шубе. — Весьма твой лед нам пригодился.

Был этот человек мал ростом и некрасив смуглым лицом, но держался с изрядным достоинством. Звали его Иван Петрович Суда и служил он простым коллежским асессором в Иностранной коллегии. Но был при том он также и секретарем-конфидентом второго в России по силе придворного лица — кабинет-министра Волынского.

— Вон, смотри, какую потеху затеяли в честь дня рождения императрицы! — Суда обвел рукой проходивший мимо санный поезд. — А ведь все это мы с Артемием Петровичем устроили.

По застроенной убогими домишками Сенной улице ползла по разбитому снегу вереница раскрашенных возков. Одни были сделаны в виде зверей, другие — птиц, третьи — рыб. В санях сидели люди, наряженные в чухонцев, малороссиян, татар, кабардинцев, калмыков и совсем уж неизвестные народы — в бархатных цветастых халатах, звериных шкурах, плащах из рыбьей кожи, берестяных коробах, стальных кольчугах и доспехах лакированного дерева. Тащили сани не только лошади, но и быки, олени, собаки, верблюды, ослы, козлы и свиньи. А впереди брел, возглавляя шествие, закутанный в пеструю попону слон с заиндевелой железной клетью на спине. В морозном воздухе густо стоял скрип полозьев, гам голосов, гудение дудок и рожков, грохот бубнов, бречание лютней и цимбал.

— Что хмуришься? Победу над турками и то меньше праздновали. — Суда хлопнул Минина по плечу. — Ладно, ты еще Ледяного дома не видел. Вот где будет главное веселье. Свадебный пир шута Квасника с шутихой Бужениновой. Там мы и мороженный огонь твой в дело пустим, лишь бы Крафт не подвел.

Рядом, выехав из общей процессии, встал закрытый санный возок. Распахнув дверцу, Суда подтолкнул туда Минина и сам забрался следом. Пара английских рысаков, рванув с места, вынесла возок через узкий переулок на простор замерзшего болота и понесла мимо не вырубленного до конца Змеиного леса. Внутри отделанного персидским бархатом кузова напротив Минина сидел нестарый и крепкий еще на вид вельможа с серым обрюзгшим лицом — сам кабинет-министр. Суда почтительно вручил ему кожаный портфель, который до того крепко держал под мышкой:

— Как и велели, Артемий Петрович! Здесь Генеральный прожект о поправлении внутренних государственных дел. — Суда улыбнулся. — И ведь неплохо получилось, ваше сиятельство! Если бы сей прожект высочайше утвердили лет десять назад, последняя война, полагаю, закончилась бы иначе. Фельдмаршал Миних мог бы не до Ясс дойти, а до самого Цареграда!

— Коли было бы так, повел бы армию не Миних, а другой, — насупился Волынский. — Я-то сам хаживал за Прут еще с самим государем Петром. Да и в Стамбуле не раз бывал. Турцию и все турецкие затеи знаю неплохо, не то что твой Миних. Фельдмаршал только и умеет, что русских солдат тысячами в землю класть. Был я с ним в

деле под Гданьском, знаю. А чего ты вообще, Суда, сам себя хвалишь? Прожект-то сей, чай, ты и писал?

— С ваших слов, ваше сиятельство, — развел руки секретарь. — А также и друзей ваших, болеющих душой за славу России.

— Тебе-то что, француз, российская слава?

— Обидно слышать, Артемий Петрович! — Суда выпрямился. — Отец мой бежал от турок с Крита в Венецию, а затем во Францию. Но ни венецианцы, ни французский король, ни иные европейские государи не помогли нам освободить страну мою от турецкого гнета. И теперь надежды возлагаем мы только на державу северную, единоверную. Посему важно и мне, чтобы Россия в делах своих внутренних укрепилась и тем сильнее стала.

— Ладно, не обижайся, — смягчился Волынский. — Ценю труды твои и верность. Без тебя все планы наши были бы пустыми разговорами. Возьмешься разве над бумагой серьезно подумать, когда день и ночь Ледовый дом этот, маскарадная комиссия... Но ничего, последний день остался. Сегодня все решится. Понравится императрице забава — быть мне в фаворе, тогда и державными делами смогу заняться и уж никто тогда мне поперек единого слова не скажет!

— Вот, кстати, Федор Минин, который нам лед волшебный из Самоедской земли привез, — представил секретарь штурмана, будто только вспомнил о нем, оробевшем от услышанного разговора.

Волынский просверлил Минина взглядом, кивнул с важностью:

— Молодец, за командира своего хлопочешь! Овцына пока в матросы разжаловали, но то дело поправимое.

Кабинет-министр откинулся на стенку возка, устало закрыл глаза

— Куда ж мы едем? — шепотом спросил Минин у секретаря.

Возок, раскачиваясь из стороны в сторону, мчался по покрытой снегом речной протоке. На ее берегах, черневших корявыми зарослями, лишь кое-где попадались скопления обывательских домиков или усадьбы вельмож, окруженные прутиками новопосаженных садов.

— По Фонтанке к Ледяному дому, — ответил, зевнув, Суда. — Не бойся, пока маскарадный поезд напрямик через город идет, мы быстрее в обход доедем. Проверим все в последний раз перед визитом государыни.

Через полчаса окрестный вид полностью переменялся. Речные берега оделись в белые каменные набережные с красивыми двухэтажными домами, за их черепичными крышами поднимались золотые шпили множества церквей, а еще выше над городом уходила в розоватое небо нескончаемая колоннада дымов из печных труб. Недаром тут и там у берега стояли, замерев во льду, барки, доверху наполненные поленищами дров, и новые дровяные груды везли и везли по улицам закутанные в тулупы извозчики на своих ломовых санях.

Быстрый министерский возок миновал строения Гаванца и, развернувшись, помчался по простору неевского льда. Впереди, посередине широкий реки, против новопостроенного Зимнего дворца мерцал как огромный, пронизанный солнечным светом голубой кристалл Ледяной дом, похожий на сказочную картинку из раскрашенной немецкой книжки. Цепочка гвардейцев-измайловцев не подпускала к нему любопытных, и гулявшей по речному льду публике оставалась только издали любоваться ледяным зданием и окружавшими его диковинами.

— Рад познакомиться! — Крафт протянул штурману руку. — Вы совершили необыкновенно важное открытие! Ваш огненный лед...

— Сиречь флогистон? — подсказал Минин, отвечая на рукопожатие.

— О, нет! — засмеялся академик. — Думаю, отыскиали вы замерзшие в допотопных болотах вместе с водой горючие испарения. Но интереснее другое — как можно употребить сей природный феномен на благо державы Российской. Позвольте произвести маленькую демонстрацию!

Крафт отыскал на своем столе и с усилием поднял большую колбу толстого стекла, вытянутый конец которой закрывала железная заглушка с колесиком.

— Сюда я поместил кусок огненного льда. Вода здесь уже отделилась от горючих паров. Зажжем для начала свечу.

Крафт воспользовался огнивом. Затем он немного повернул колесико на колбе и, когда оттуда послышался шипящий свист, осторожно поднес к ней горящую свечу. Из колбы ударил длинный язык пламени, едва не достав до Суды.

— В Константинопольской империи было подобное оружие, — заявил Суда. — И называлось оно греческий огонь. Им ромеи жгли корабли арабов, да и древних россов тоже. Но там огонь выдували мехами, а здесь он извергается сам собой.

— Да, напор испарений может быть очень силен. Когда стемнеет, вы сами это увидите. Ледяные дельфины и слон станут выдувать не водяные, а огненные фонтаны, поелику заложены в сии фигуры запасы горючего льда.

— Что же, — кивнул Суда, — думаю, демонстрация опыта сего доставит удовольствие императрице.

— Дело не в увеселении императрицы, герр Зюда! Сибирская экспедиция не только нанесла на карту крайние пределы Российской державы, но и открыла в них неисчислимые богатства! Лейтенанты Малыгин, Овцын и Лаптев докладывали о найденных ими явных признаках золота и серебра. А самородной меди там столь много, что ее даже выплавляют на своих кострах окрестные самоеды. Огненный лед, вернее, истекающие из одного горючие испарения, в тех безлесных землях вполне можно на устройство большого медеплавильного дела употребить. Да и в наших краях, полагаю, мы найдем этому пылающему льду применение. В освещении домов и улиц, в приготовлении еды, для обогрева жилищ взамен дров. Да и для небывалых до сей поры дел — тоже! Если, к примеру, поставить на барку с гребным колесом паровую машину Ньюкомена, вроде той, что император Петр Великий в свое время выписал из Англии для подачи воды в фонтаны Летнего сада, да топить ту машину горящими испарениями...

— Пироскаф? — спросил Суда и задумался.

— Да и на суше представима самоходная повозка с таким огненным устройством. Крутит же паровая машина жернова на мельницах, может крутить и тележные колеса.

— Где бы еще дороги отыскать в России для таких повозок...

За разговором они не заметили, как вокруг сгустились вечерние сумерки. Служители стали зажигать свечи, которые волшебным образом осветили изнутри Ледяной дом. Крафт провел гостей туда через заднее крыльцо. Дом был велик и состоял всего из двух комнат — столовой и спаль-

ни, тесно заставленных разнообразной мебелью, также отлитой из льда. В шкафах и буфетах стояли ледяная посуда, ледяные часы, лежали на полках разные ледяные безделушки. Академик показал на расположенный в спальне камин с ледяными дровами.

— Они из горючего льда, только снаружи покрыты слоем обычного. Чтобы согреть дом, эти дрова надо расколоть, потом зажечь. Однако спешить с этим не стоит. Через несколько часов горения камина Ледяной дом придет в негодность. Мы уже проверили это на ледяной бане. Затопили вечером, а к утру там провалилась крыша.

— Понятно. — Суда внимательно осмотрел камин. — Зажжем его не раньше, чем сюда пожалует императрица. А вот, кстати, похоже, и она...

С многоголосым гулом к Ледяному дому приближалось озаряемое множеством факелов маскарадное шествие. Впереди ехала на козлах и коровах гвардия жениха в вывороченных наизнанку заячьих тулупах. Сам жених был в санях, запряженных шестеркой оленей с золочеными рогами. Следом пара верблюдов несла паланкин с невестой. Дальше тянулись сани с ряжеными под разные народы. Тут же были колесницы Сатурна, Нептуна, Бахуса и прочих римских богов.

Опережая свадебный поезд, подкатил возок Волинского.

— Бирон уговорил государыню отложить визит в Ледяной дом до утра, — процедил кабинет-министр подбежавшему Суде. — Так что завтра все здесь должно быть в полной сохранности. Иначе не сносить нам с тобой головы. Бирон любую оплошность пустит себе на пользу, нам на погибель.

— Значит, маскарадных в дом не пускать, — сделал вывод секретарь.

— Только самых важных. Ну и жениха с невестой. Завтра поутру ее величество явится сюда поздравлять их с первой брачной ночью. Остальных, как выпьют-поедут снаружи, отпустить. Сам к себе сейчас поеду, а то устал. На ногах не стою от мальвазии, что угощали у Бирона. Так что прощай.

— Артемий Петрович, а чего жениха с невестой не на слоне сюда привезли? — спросил зачем-то Суда.

— Сдох слон по дороге! — сердито буркнул Волинский. — Замерз насмерть. Мы его уже в Адмиралтейский канал под лед спустили, чтобы веселью не мешал.

— Жалко!

— Ты лучше жениха пожалей! Все же, по природе своей, он родовитый князь, Гедиминова корня! Дед его державой правил, на Крым за полвека до Миниха полки водил.

Видя непонимание, Волинский разъясился:

— Ее величество распорядилась новобрачных, раздев, уложить на ночь в Ледяном доме в холодную постель да поставить в их спальне караул, дабы жених с невестой со свадебного ложа сбежать не могли.

— Так их величество повелели...

— Да, заморозить насмерть! — жестко сказал кабинет-министр. — Не простила, видать, вероотступничество. За что князя Михайла Голицына шутком Квасником сделали? Он во Франции на старости лет женился, перешел к католикам. А как в Россию вернулся, попал в Тайную канцелярию. Ему и предложили на выбор — либо строгий суд, либо шутовство. Вот и стал князь на шестом десятке двор развлекать. Яйца высиживал в лукошке. Но все, как видишь, зря. Хотя уж лучше такая казнь, чем огненная.

